

УДК 821.161.1.09»19»
ББК 83.3(2Рос=Рус)5

В.Г. Андреева

**НАРОДНАЯ ТЕМА
КАК ЭПИЧЕСКАЯ ОСНОВА
РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА
«НОВЬ»***

Автор статьи обращается к эпической сущности последнего романа Тургенева «Новь», доказывает, что жанровое определение «общественный роман» в его стандартном понимании не передает всей глубины произведения. Проблема «героя» романа и точности тургеневских характеристик народнического движения рассматривается в плане организации Тургеньевым настоящего как эпического времени и иллюстрации возможности совмещения общего (всемирного) и личного. В работе показано, что каждый из героев романа измеряется эпической, народной меркой – способностью к честному труду и близостью к земле.

Ключевые слова: *Тургенев, общественный роман, эпическая основа, народ, народники, национальные ценности, герой, хозяин, работа, русская земля.*

DOI 10.18522/1995-0640-2020-4-169-181

Андреева Валерия Геннадьевна – докт. филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, профессор кафедры Отечественной филологии, Костромского государственного университета
E-mail: lanfra87@mail.ru

© Андреева В.Г., 2020 г.

Большинство современных исследователей вслед за выдающимися работами советского литературоведения справедливо признают появление в творчестве Тургенева 1870-х гг. романа нового типа. В предисловии к книге «Человек в романах И.С. Тургенева» В.М. Маркович отмечает, что этот «новый тип тургеневского романа» оформляется на «несвойственных ему прежде структурных законах» [Маркович, 1975. с. 6]. Чаще всего этот роман не без оснований называют общественным. Данное определение, использующееся учеными для описания жанровой характеристики «Дыма» и «Нови», постоянно уточняется в ходе анализа характеров героев, актуальности и своевременности их появления и т.п. Но несмотря на широту этого определения, на тот факт, что «общественный роман» вмещает в себя в широком смысле ключевые и спорные моменты жизни различных классов общества, остро стоящие вопросы времени и проблеме дальнейшего развития страны, «Дым» и «Новь» даже в большей степени, нежели другие предшествующие произведения Тургенева, нуждаются в оценке не только с позиции конкретного времени, значимости народнических и революционных идей в России в 1870-е гг., но и с вневременной точки зрения, открывающей место человека в русской национальной жизни, его способность быть нужным, быть на своем месте. «Поскольку долгое время роман

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

рассматривался в основном сквозь призму социальных идей, то это не способствовало целостной его интерпретации хотя бы потому, что тема народничества и неразрывно связанная с ней героическая тема не только осмысляются писателем в характерном для него общественно-историческом аспекте, но и приобретают в тексте универсальный смысл», – отмечает А.А. Бельская [Бельская, 2014, с. 169].

В данной статье мы обратимся к глубинной эпической сущности последнего романа Тургенева «Новь», на которую исследователи неоднократно указывали, однако в большей степени мимоходом. Проблема «героя» романа, а тем более – значимости и точности тургеневских характеристик народнического движения уже достаточно подробно рассмотрены в науке, но они интересны нам в плане организации Тургеневым в романе «Новь» настоящего как эпического времени и иллюстрации возможности совмещения общего (всемирного) и личного.

Л.М. Лотман отмечает, что «роман “Новь”, как и “Дым”, является по сути дела романом без героя в “тургеневском” понимании категории “герой”. В отличие от “Дыма”, в “Нови” повествовательно-эпический тон превалирует над лирическим и сатирическим. Вместе с тем сатирическое начало ощущается здесь не только в изображении реакционеров, но косвенно и в том, как подается “внесценический”, но “витающий”, как “дух над водами”, образ “сильного человека” – руководителя революционного подполья Василия Николаевича, прототипом которого послужил Нечаев» [Лотман, 1982, с. 154]. В романе «Новь», несмотря на обилие маскарадности и театрализованности большого количества сцен, передающих отвергаемую автором фальшь и условность действительности, присутствует особая поправка на эпичность. По словам Н.Я. Берковского, она постоянно вносилась русскими писателями XIX в. в поэтическую систему [Берковский, 1975, с. 169]. Однако в этом многолинейном романе для понимания глубинной сути и позиции писателя первостепенно именно уяснение эпических констант русской жизни, которые осознаются лишь в результате творческого освоения художественной целостности произведения.

И современники Тургенева, а далее – критики и литературоведы уже XX в., как отмечает Н.В. Кочурова, обращали внимание преимущественно на *«внешний уровень конфликта романа»* [Кочурова, 2012, с. 57]. Многие молодые умы в 1870-е гг., конечно, не могли не возмутиться пренебрежительным отношением Тургенева к народникам, которое очень ярко подчеркнул в своей статье Н.К. Михайловский, воспринявший роман в штыки. Критик отметил не только всеобщее охлаждение публики к Тургеневу (читатели, конечно, исподволь настраивались одним из идеологов народничества), но и ошибки и фальшь, допущенные писателем, «деревянность героев», сведение общественных явлений к мелким личным причинам, наконец, непреодолимую силу глупости: «Но такова уж сила глупости всех изображаемых г. Тургеневым поступков, что, как только начнут люди “поступать”, так и распространяют кругом себя за-

разу глупости. И все это только потому, что глупых легко рисовать...» [Михайловский, 1877, URL].

Прозрения и глубокие выводы, касающиеся последнего романа Тургенева, были немногочисленны: ценные наблюдения исследователей можно найти в отдельных трудах и статьях, посвященных не конкретно «Нови», но романам и всему творчеству писателя.

Т.В. Затеева и Т.Р. Ленхобоева обратили внимание на утверждение Ю.В. Манна о том, что в последних романах Тургенева «символизм создается поверх тематической, временной или пространственной общности материала, всем комплексом ассоциаций, сближений и контрастов»: «Метафизический подтекст последних романов (Тургенева. – В. А.) для Манна оказался безусловно выше и важнее их идеологической и политической направленности...» [Затеева, Ленхобоева, 2014, с. 85]. Обратим внимание, что большинство метафор и символов в произведении передают и утверждают именно эпическую линию, позволяют понять, кто же является в романе основным героем.

Роман фактически открывается мотивом ожидания Машуриной, Остродумовым и Паклиным хозяина квартиры – Нежданова, возвращения которого вместе с героями-народниками начинает ждать и читатель. Однако приходит хозяин квартиры, а у читателя складывается ощущение, что это, собственно, и не главный герой, да и вообще не хозяин – точно уж не тот «хозяин-агроном» из записок которого взят эпиграф к роману. Более того, мы постепенно понимаем, что ждали мы не Нежданова (тут в первый, но не в последний раз в романе раскрывается многозначительный смысл фамилии незаконнорожденного героя), что не он в романе «главный тенор»:

« – Дуэт! Отчего же не трио? И где же главный тенор?

– Вы это о Нежданове любопытствуете, г-н Паклин? – проговорил с серьезным видом Остродумов.

– Точно так, г-н Остродумов: о нем» [Тургенев, 1982, с. 137].

В данной ситуации очень странно, что Остродумов задает уточняющий вопрос. А из следующих далее диалогов героев мы понимаем, что раздражающийся Нежданов ведет себя как-то не так, что ему не хватает уверенности и спокойствия. Паклин, которому автор в романе доверяет не одну свою мысль, замечает: «Да разве ты забыл, в какое время и в какой стране мы живем? Ведь у нас утопающий сам должен сочинить ту **соломинку**, за которую ему приходится ухватиться! Где уж тут миндальничать?!» (выделено нами. – В. А.) [Тургенев, 1982, с. 142; далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках]. После, уже узнав *Соломина*, внимательный читатель романа соединит воедино все эти знаки автора. Причем Тургенев предваряет появление Соломина аналогичным мотивом ожидания:

« – Это тот, что бумагопрядильной фабрикой заведывает? – спросил Нежданов, вспомнив сказанное о нем за столом у Сипягиных.

– Он самый и есть, – промолвил Маркелов, – надо Вам с ним познакомиться; мы его еще не раскусили, но дельный, дельный человек» (с. 196).

Символично и то, что Сипягин, приходящий к Нежданову, садится на соломенный стул, а уходя, поднимаясь со стула, веселеет и распускается, а именование Сипягина находится в «*С...ой губернии, возле самого С**» (с. 159) (выделено нами. – В. А.).

В романе «Новь», в отличие от всех остальных персонажей, один только Соломин и является настоящим героем-народником, для которого народ – не темный лес (согласно сравнению Паклина), а свои люди. Внешне не примечательный Соломин, не организующий никакой значительной активной пропагандистской деятельности, о которой только и говорят другие революционно настроенные герои, сам человек из народа, знающий его беды и чаяния. Почти как и весь русский народ, он занимает позицию спокойную и нейтральную – работника и труженика, для которого особой ценностью является русская земля, Соломина, оберегающего людей, заботящегося о своих друзьях и о порядке, можно условно сравнить с Кутузовым в романе-эпопее «Война и мир», мудро ожидающего нужного времени для действия, не торопящегося и тем самым спасающего народные жизни [Андреева, 2019, с. 9]. Не случайно гадающая Пуфка называет Соломина «*прохладным человеком, постоянным*» (с. 248).

В отличие от нетерпеливцев, которыми оказываются Нежданов и Маркелов, Соломин не горячится, он наблюдает и делает мудрые выводы: «*От Кислякова Маркелов перешел к солдатам, к адъютантам, к немцам – договорился наконец до своих артиллерийских статей; Нежданов упомянул об антагонизме Гейне и Бёрне, о Прудоне, о реализме в искусстве, а Соломин слушал, слушал, вникал, покуривал – и, не переставая улыбаться, не сказав ни одного остроумного слова, казалось, лучше всех понимал, в чем состояла собственно вся суть*» (с. 227).

Б.А. Бялый справедливо подчеркивает, что подобных Соломину деятелей ожидала Россия: «Полной ясности в обрисовке Соломина и быть не могло. Соломин задуман и подан не как реальная сила русской жизни, а как сила искомая, ожидаемая. Соломины еще должны появиться, пока что их нет на русской почве, они только, по мнению Тургенева, нужны России, эти “постепеновцы снизу”. Это персонаж не реальный, а заданный, что определяет и самый метод его изображения. Как отрицательные персонажи в романе без исключения делают всё одиозным образом, так и Соломин всё без исключения делает наилучшим образом: правдив он необыкновенно и необыкновенно самостоятелен в суждениях и поступках, необыкновенно проникателен, даже ходит он и улыбается так, что все эти действия приобретают какой-то поучительный смысл» [Бялый, 1962, с. 212].

Однако в художественном мире романа Соломин – не поучающий и проповедующий, а герой живущий. «*Впрочем, и тут Соломин не оправдал ожиданий Нежданова. Он говорил замечательно мало...*», – отмечает автор-повествователь (с. 225). Не случайно рядом с Соломиным Мари-

анна, такая же беспокойная и неприкаянная, как и Нежданов, впервые чувствует себя уверенно.

А.Б. Гольденвейзер в воспоминаниях о Толстом отметил: «Л.Н. Толстой сказал по поводу “Нови”, что не разделяет обычного отрицательного отношения к этому роману и считает его очень удачным. Между прочим, он находит удачным и вовремя замеченным новый тип Соломина» [Гольденвейзер, 2002, с. 98]. На самом деле, этот герой стал особым открытием уже зрелого Тургенева в его последнем романе. Соломина нельзя назвать народным заступником или идеологом, но именно он в романе выражает позицию лучшей и деятельной части проснувшегося народа: *«Он хорошо знал петербургских революционеров и до некоторой степени сочувствовал им, ибо был сам из народа; но он понимал невольное отсутствие этого самого народа, без которого “ничего ты не поделаешь” и которого долго готовить надо – да и не так и не тому, как те»* (с. 225). Соломин два года учился на фабрике в Манчестере, он усвоил английские порядки и премудрости ведения дел, но Тургенев очень хорошо показывает, что дело и порядок, а уже тем более прибыль для Соломина никогда не будут выше и значимее людей. Этот герой выражает лучший народный тип, он мудр и практичен, однако главной ценностью для него является человек и его душа. Именно так, *«Душа моя!»*, обращается Соломин к Нежданову, он привык заботиться о близких. Показателен в этом плане эпизод, когда Соломин встает и закрывает окно, открывшееся за головой разгорячившегося Нежданова.

Несмотря на тот факт, что в романе Соломин не выражает ярко и открыто свою религиозную позицию, мы понимаем, что и тут он вполне разделяет точку зрения народа-труженика, вся жизнь которого связана с глобальными процессами и явлениями, в которых он всегда чувствует свою подчиненность высшей воле. Д.Н. Овсяннико-Куликовский справедливо сделал акцент на том, что Соломин – это народный герой: «Не знаю, имел ли Тургенев для изображения Соломина в своем распоряжении “натуру” (как для Базарова), – встречал ли он людей соломинского типа. Но несомненно одно: отдельные, разрозненные черты этого типа хорошо были известны ему: он их неоднократно мог наблюдать в великорусском народе. Так называемая “сметка” и “себе на уме”, характерная черта великоросса, немного идеализированная, расширенная, облагороженная образованием, легко претворяется в уме Соломина. Способность и любовь ко всему прикладному, техническому, практический смысл, наконец своеобразный деловой идеализм – все это народные великорусские черты, и Соломин – верный их представитель» [Овсяннико-Куликовский, 1985, URL]. Д.Н. Овсяннико-Куликовский отмечает, что первые наблюдения и впечатления, которые впоследствии могли послужить основой для типа Соломина, были собраны Тургеневым ранее. Ученый проводит параллель и связь между *«Записками охотника»*, *«этой по преимуществу народной великорусской книгой»* и созданием фигуры Соломина [Там же].

Примечательным видится нам почти одновременное изображение Толстым в «Анне Карениной» и Тургеневым в «Нови» героя, живущего у земли и осознающего ее силу. Но у Толстого этот герой – русский помещик, пусть и прогрессивно мыслящий, а у Тургенева в последнем романе – сын дьячка (что тоже глубоко символично: Соломин – как будто одна из соломинок на поле), представляющий земледельческий русский народ, народ-богоносец. Интересна в данном случае почти полная перекличка образного описания прозревшего к финалу романа «Анна Каренина» Константина Левина, сравниваемого автором с плугом: *«Теперь он, точно против воли, все глубже и глубже врезывался в землю, как плуг, так что уж и не мог выбраться, не отворотив борозды»* [Толстой, 1928–1958, т. 19, с. 372] с эпиграфом к роману «Новь»: *«Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом»* (с. 133).

Конечно, именно Нежданов произносит в романе фразу, выражающую эпический масштаб народных бедствий: *«Пол-России с голода помирает...»* (с. 141), но ни ему, ни многим его товарищам не дано в полной мере осознать этих бедствий и почувствовать их эпический масштаб. Голод народа в определенные годы второй половины XIX в. был таким, что вставал вопрос о беде национального масштаба: люди умирали и обессиливали, дети, даже если выживали, навсегда оставались немощными. Очень ярко и пронзительно писал о голоде Л. Н. Толстой: причем еще до голода 1891 г., представленного в поздних статьях, Толстой столкнулся со страшным голодом крестьян, наблюдаемым им летом 1873 г. возле самарского имения. В июле 1873 г. Толстой со своего хутора отправил письмо издателям «Московских ведомостей», в котором постарался передать объективное положение народа: *«Нынешний, уже не просто неурожайный, но голодный год, должен довести до нужды прежде бывших богатыми крестьян, и до нищеты и голода почти 9/10 всего населения. <...> Бедствие это уже началось, и без ужаса нельзя видеть народ даже в настоящее время, летом, когда только начинается самый бедственный год и впереди еще 12 месяцев до нового урожая, и когда еще есть кое-где заработки, хотя на время спасающие от голода»* [Толстой, 1928–1958, т. 62, с. 36–37]. Русские классики прекрасно понимали, что смена власти не сможет решить народных проблем: Тургенев, как и Гончаров, Толстой, Достоевский, в итоге приходили к единому выводу о спасительной духовной и физической силе народа, его потенциале, проявляющемся особенно ярко в кризисные моменты жизни страны.

И.А. Беляева оговаривается об «аграрной метафорике плодородия и «черноземной силы»», которые были представлены в романе «Накануне», не до конца понятом и прочитанном, по мнению исследовательницы [Беляева, 2018, с. 30]. В романе «Новь» аграрная тема и символика задаются уже эпиграфом, а далее проявляются именно на уровне художественных скреп, выводящих читателя как раз к эпическому масштабу обобщений.

Обратим внимание, что каждый из героев романа измеряется именно эпической, народной меркой – способностью к честному, скрупулез-

ному труду и близостью к земле. В день именин Коли Сипягин (а этот герой занимает значительный пост, ему прочат кресло министра) прежде чем выпить за здоровье сына, произносит спич: *«Он говорил о том, что значит “служить земле”, и по какой дороге он желал бы, чтобы прошел его Николай...»* (с. 181). В художественном мире особо примечательным оказывается, что отец Сипягина был известным агрономом. Читатель романа понимает, что, с одной стороны, Тургенев демонстрирует, как далеко от реального дела ушел Сипягин, не могущий привести в порядок дела на своей фабрике и найти достойного управляющего, с другой стороны, напутственное слово, произнесенное Сипягиным, оставляет надежду, что именно Коля сможет быть одним из новых хозяев-агрономов.

Тургенев с иронией описывает и Сипягина, и его супругу Валентину Михайловну. Он говорит, что их брак был заключен не по большой любви. Но в то же время *«Между обоими супругами существовало неличное доверие и согласие; они действительно жили в “любви и совете”, как говаривалось в старину...»* (с. 172). Упоминание автора о старине – это как раз тот эпический временной масштаб и та эпическая константа, которые представлены в романе и на примере Фимушки и Фомушки, и на примере заветов отцов в крестьянском мире. Разумеется, Тургенев не приветствует закоснелость Субочевых или ограниченность и мишурность Сипягиных, но эти проверенные временем, надежные человеческие связи контрастируют в романе с иллюзиями народников, не только не знающих народа, но, как получается на самом деле, не могущих разобратся и в собственном окружении.

С «аграрной» метафорикой соотносится в романе и фигура Каломейцева: *«Фамилия Семена Петровича происходила от простых огородников. Прадед его назывался по месту происхождения: Коломенцов...»* (с. 162). На примере этого героя, *«петербургского “гранжанра” высшего полета»* писатель демонстрирует полное отпадение светских молодых людей от почвы, от народной жизни. Но ни один из персонажей компании Нежданова также не способен к настоящей работе. Вспомним самого Нежданова и отмеченную автором (а позднее наглядно изображенную им) бесцельность усилий героя: *«По милости воспитателя швейцарца, он знал довольно много фактов и не боялся труда; он даже охотно работал – несколько, правда, лихорадочно и непоследовательно»* (с. 156). Этот лихорадочный труд нельзя и близко поставить с ежедневным непосильным трудом русского земледельческого народа.

Не выдерживает проверки народной темой и Маркелов: при его первом появлении в романе читатель слышит о новых порядках, вводимых Маркеловым у себя, о его справедливом отношении к крестьянам, однако странное разочарование хозяйством Маркелова переживает читатель вместе с Неждановым, когда тот наутро просыпается в усадьбе своего нового друга: *«На другое утро он встал поздно, с головною болью. Он оделся, подошел к окну мезонина, в котором находилась его комната, и увидал, что у Маркелова собственно и усадьбы не было никакой...»* (с. 198).

Соломин, который в романе вызван по просьбе Сипягина для оценки его убыточной фабрики, констатирует беспомощность дворянства в хозяйственных делах. Тургенев в романе не связывает будущее России как земледельческой страны с дворянами, они превратились, по мнению автора, в помещиков-ростовщиков и помещиков-чиновников, которым не дорого и не близко их дело. Россия ждет хозяина-агронома, но этот человек, как понимает читатель, должен совмещать знания с умением жить и трудиться у земли.

Готовностью работать для народа так, как привыкли трудиться на полях крестьяне, проверяются в романе и народники, которые, конечно, такой проверки не выдерживают. Все они ни морально, ни физически не способны на решительное и большое дело. Как справедливо отметил в романе Паклин, народники живут в своем узком мирке, который, по сути дела, не намного шире мира Фимушки и Фомушки. Нежданов, борющийся за права народа и едущий в деревни с целью поднять крестьян против нынешней власти, саму власть в лицо не знает: он говорит, к примеру, что ему «совершенно неизвестен» Сипягин, описанный Паклиным как *«камергер, в некотором роде общественный столп, будущий министр»* (с. 152).

С.А. Никольский отметил, что «новые люди» в России – это, к сожалению, не только попытки размышлять о реальных преобразованиях, но и в еще большей степени – болтовня» [Никольский, 2016, с. 55]. Не раз Тургенев в романе иллюстрирует пустоту и бессмысленность разговоров Маркелова, в «Нови» даже появляется образ дыма, который в предыдущем романе Тургенева стал самым ярким символом никчемной и иллюзорной деятельности, застилающей людям глаза: *«Маркелов тоже умолк и только дым пускал ноздрями. <...> Нежданов качнул головой утвердительно, а Маркелов опять принялся за папироску»* (с. 190). По сути дела, на протяжении всего романа Марианна тоже является фразеркой, ее страстное желание пострадать за народ основано больше не на искренней любви к народу, а на эгоистических порывах выглядеть героиней и быть нужной. Несколько предложений о самых близких людях Марианны открывают всю ее сущность: *«Когда мой отец был в Сибири, а я с матушкой оставалась в Москве – ах, как я рвалась к нему! И не то чтобы я очень его любила или уважала – но мне так хотелось изведать самой, посмотреть собственными глазами, как живут ссыльные, загнанные...»* (с. 212).

Читатель романа прекрасно понимает, что Марианна не сможет сделать для крестьян ничего примечательного, но судьба героини зависит именно от ее отношения к народу. А.А. Фирсова отметила, что в романе «Новь» чувствуется общая разъединенность героев, разорванность связей между людьми, но есть при этом одна единая сила – народная, которая определяет в художественном мире почти все: «Все эти пространственные мирки живут в окружении народа. Мир народа не замкнут пространственными границами. Народ по-разному соприкасается со всеми мирами, не ориентируясь ни на один из них. На народ же

ориентированы все слои романного населения, все “сферы” культурного слоя. Вся система героев “Нови” построена в свете отношений к народу: герои одной “сферы” культурного слоя имеют двойную ориентацию: тяготение к народу, отталкивание от него; другие имеют только одну прямую и твердую ориентацию на народ. Народ не приемлет ни тех, ни других и ориентирован только на себя» [Фирсова, 1983, с. 146].

Почти все народники в романе вызывают у читателя сожаление своей душевной искалеченностью, они не могут смотреть на мир объективно. Маркелов умудряется выбрать в помощники из народа самых худших людей в плане организации работы. Это связано не только с нечуткостью Маркелова, но и, конечно, с нежеланием хозяйственных мужиков тратить ценное время на непонятное дело. Обратим внимание на знаковую в романе фигуру мужика Фитюева, который показался Нежданову «надежным». Но он оказался бобылем без земли, не желающим работать. А ведь такими же несостоявшимися людьми оказываются в романе и сами народники. Ю.В. Лебедев отмечает, что «все революционеры в романе наделены наследственными пороками»: «противоестественность революции приводит к тому, что в нее уходят физически и психически неполноценные, ущербные люди» [Лебедев, 1983, с. 198]. Отношение автора к революционной деятельности ясно, однако речь в романе идет еще и о более глобальной проверке человека. Маркелов однажды говорит в романе Нежданову: *«Коли ты можешь соединить и то и другое... любить и быть любимым... и в то же время служить делу»* (с. 260). По сути дела, перед нами универсальная формула человеческого счастья. Однако у изображенных в романе народников о деле речь не может идти, поскольку большинство из них не умеют любить.

Рассуждая об отдалении Нежданова и Марианны друг от друга, Н.В. Кочурова пишет: «Нежданов не верит ни в революцию, ни в теорию добрых дел и понимает, что Марианна уже не “покорялась” ему, а только “жалела”» [Кочурова, 2012, с. 61]. Однако Марианна никогда не понимала до конца и не любила Нежданова. На месте любви здесь оказалась дружба: *«Так возьми же мою руку... только не целуй ее – и пожми ее крепко, как товарищу, как другу... вот так!»* (с. 270). Еще раз разговор о любви происходит между героями после их приезда к Соломину, причем Марианна тут проявляет или нечуткость к Нежданову, или пренебрежение к нему: она вновь увлечена принципами честности. Речь у героев заходит о любви, дающей право на жизнь другого человека, и Нежданов уже готов заявить об этом Марианне, но она его почти обрывает: *«О да, Алеша, ты точно честный человек. Ну, и давай толковать о вещах более серьезных»*. И последующее восклицание героя: *«Но ведь я люблю тебя, Марианна!»* (с. 311) остается непонятым, и в гибели Нежданова, как понимает читатель, есть большая доля вины именно Марианны. Несколько раз Тургенев делает акцент на том, как Марианна, прощаясь с дорогим ей человеком и уходя к себе, сразу же закрывает дверь на ключ, причем Нежданов слышит, как щелкает замок.

Писатель не раз показывает опасения, неготовность к открытым и решительным действиям тех людей, которые стремятся поднять народ. Ни у Нежданова, ни у Марианны, а тем более – у Машуриной или Маркелова нет опыта жертвенной и деятельной любви. Как справедливо отметила А.А. Бельская, Тургенев, «исполнение насущных дел во время “хорового развития” связывает не с самоутверждением и индивидуализацией личности, “крупными”, “выдающимися” личностно-индивидуальными началами (талант, ум), нередко ведущими к эгоизму, а с тем внутренним, активно-действенным индивидуальным (“сердце, способное жертвовать своим эгоизмом”), подвигающим человека терпеливо и усердно трудиться для общественного блага и “жертвовать” собою “безо всякого блеску и треску”» [Бельская, 2014, с. 174].

Мы видим, что роман Тургенева «Новь», так часто называемый общественным, на самом деле еще шире: в художественном мире произведения Тургенев выходит не просто к классовым проблемам, описанию тяжелого положения народа, бессмысленных попыток народников поднять по сути дела спящий народ (но при этом народ-кормилец, обеспечивающий всю Россию), ключевой вопрос, решаемый Тургеневым – это вопрос о месте и предназначении отдельного человека и его возможности быть счастливым только при условии раскрытия миру, готовности жить для других.

Особое внимание в романе нужно обратить на собирательный образ народа, не так широко обрисованный, но складывающийся воедино из отдельных сцен и подробностей. Нежданов как-то заговаривает с мужиками, которые раньше жили у Маркелова. И основной причиной разорения последнего мужики называют чудачество Маркелова, выдумывающего нововведения, но не живущего как «отцы». Тургенев отмечает некоторую закоснелость народа, его неготовность к новшествам, но при этом под образом жизни «отцов» понимается и много положительного – того, что не могут заменить новые проповедники революции.

Финал романа Тургенева еще раз обращает читателя к теме национального своеобразия России и особенностей народной жизни. И.А. Беляева рассматривает символические финалы всех романов Тургенева и значимую итоговую фразу «Нови» «*Безымянная Русь!*». Исследовательница излагает и комментирует позиции Н.Ф. Будановой и Г.А. Тиме. По мнению Будановой, указанная фраза могла быть заимствована Тургеневым из газеты «Вперед», которая издавалась П.Л. Лавровым в Цюрихе. «Образ “безымянной Руси”, как полагает Н.Ф. Буданова, мог быть подсказан Тургеневу как общей идеей народнического воззвания, так и метафорой “безымянности” и потому множественности нарождающейся человеческой силы: “У нас нет имен”» [Беляева, 2018, с. 30]. Также Беляева рассматривает точку зрения Тиме, согласно которой эта фраза может подчеркивать хоровое начало.

В итоге исследовательница делает вывод о том, что «“безымянная Русь” и “безымянный человек” как органическая часть целого объединились в символическую конструкцию, без сомнения требующую толкова-

ния, к чему и призывал романист своего читателя. Прочтение этих “заключительных слов” может проходить в разных плоскостях, подразумевающих противоположные эмоции» [Беляева, 2018, с. 31]. Беляева говорит и о безымянном лжепророке, который будет иметь власть и распоряжаться новыми людьми, но вместе с тем указывает, что «если взглянуть на безымянность иначе, то можно увидеть, что в ней заложена идея “социальной соборности” и возвращения к “хоровым началам” народной жизни» [Там же].

Скорее всего, определение «безымянный», соотносимое Паклиным в финальном восклицании со словом «Русь» многозначно. Читатель уже хорошо знает ироничную и насмешливую, но глубокую и вдумчивую натуру Паклина. В финале романа оказывается совсем не важным, кто же распоряжается действиями Машуриной и других народников, и по аналогии с обозначением ключевого деятеля это значение переносится и на всю страну. Герой Тургенева в одном словосочетании описывает и непредсказуемость, неподчиняемость Руси какой-то одной земной воле, и ее скрытую величину и силу, которая не известна людям, взирающим на нее со стороны, и, конечно, отсутствие определенного и конкретного героя. Очень вероятно, что восклицание «Безымянная Русь!» появилось в романе «Новь» в результате творческого освоения Тургеневым хорошо знакомых ему строк Н.А. Некрасова из поэмы «Несчастные» (1856 г.):

*Но спит народ под тяжким игом,
Бойтся путь, не внемлет книгам.
О Русь, когда ж проснешься ты
И мир на месте беззаконных
Кумиров рабской слепоты
Увидит честные черты
Твоих героев безыменных?* [Некрасов, 1854, URL].

По мере движения к финалу романа «Новь» мотив ожидания не пропадает, читатель романа надеется на появление героев-хозяев, для которых первостепенным будет не собственное имя и слава, а порядок и благоденствие родной земли. Тургенев подчеркивает не всечеловеческую, не универсальную сущность личности, но именно национальную особенность русской жизни, в которой человек является не Хозяином, а работником, старающимся наиболее правильно и точно выполнить высшую волю, отражаемую в судьбе всего народа.

Литература

- Андреева В.Г. (2019). Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Учен. записки Петрозаводского гос. ун-та. № 1. С. 8 – 12. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.263
- Бельская А.А. (2014). Христианские ассоциации в романе И.С. Тургенева «Новь» // Учен. записки Орловского гос. ун-та. Гуманитарные и социальные науки. № 5(61). С. 169 – 178.
- Беляева И.А. (2018). «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // Филол. класс. № 3(53). С. 25 – 32.
- Берковский Н.Я. (1975). О мировом значении русской литературы. Л.: Наука. 184 с.

- Бялый Г.А. (1962). Тургенев и русский реализм. М.: Сов. писатель. 247 с.
- Гольденвейзер А.Б. (2002). Вблизи Толстого. М.: Захаров. 654 с.
- Затеева Т.В., Ленхобоева Т.Р. (2014). Особенности рецепции романа И.С. Тургенева «Новь» в отечественном литературоведении второй половины XX в. // Вестн. Бурятского гос. ун-та. № 10-2. С. 80 – 86.
- Кочурова Н.В. (2012). Поэтика сюжета последнего романа И.С. Тургенева («Новь») // Уральский филол. вестн. Русская классика: Динамика художественных систем. № 6. С. 57 – 66.
- Лебедев Ю.В. (2018). Вехи жизни и творчества И.С. Тургенева. Кострома: КГУ. 212 с.
- Лотман Л.М. (1982). И.С. Тургенев // История русской литературы: в 4 т. Т. 3. Л.: Наука. С. 120 – 159.
- Маркович В.М. (1975). Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 152 с.
- Михайловский Н.К. (1877). «Новь» // Отечественные записки. № 2. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0270.shtml (дата обращения 27.07.2020).
- Некрасов Н.А. (1854). Несчастные // Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. Т. 1. М. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0010.shtml (дата обращения 27.07.2020).
- Никольский С.А. (2016). «Новые люди» в их нацеленности на крестьянство как идея русской классической литературы // Вестн. славянских культур. № 2(40). С. 52 – 66.
- Овсянко-Куликовский Д.Н. (1895). «Новь» и тип «нужного для России» человека // Северный вестн. №2. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1895_02_turgenev_i_tolstoy_oldorfo.shtml (дата обращения 27.07.2020).
- Толстой Л.Н. (1928–1958). Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Художественная литература.
- Тургенев И.С. (1982). Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 9. М.: Наука, 576 с.
- Фирсова А.А. (1983). О пространственно-временной организации романа И.С. Тургенева «Новь» // Проблемы метода и жанра. Томск: ТГУ, С. 145 – 153.

References

- Andreeva V.G. (2019). Personal interests of heroes and the motive of expectation in Leo Tolstoy's epic novel «War and Peace». *Proceedings of Petrozavodsk state university*, no. 1, pp. 8-12. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.263 (In Russian).
- Beliaeva I.A. (2018). «Remember my last three words»: on the question of the structure of Turgenev's novel finals. *Philological class*, no. (53), pp. 25-32. (In Russian).
- Belskaya A.A. (2014). Christian associations in the novel by I.S. Turgenev «Virgin Soil». *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 5(61), pp. 169-178. (In Russian).
- Berkovsky N.Ya. (1975). *The global significance of Russian literature*. Leningrad, Nauka, 184 p. (In Russian).
- Bialyi G.A. (1962). *Turgenev and Russian realism*. Moscow, Sov. pisatel'. 247 p. (In Russian).
- Firsova A.A. (1983). On the spatio-temporal organization of the novel by I.S. Turgenev «Virgin Soil». *Problems of method and genre*. Tomsk, TGU, pp. 145-153. (In Russian).
- Goldenveizer A.B. (2002). *Near Tolstoy*. Moscow, Zakharov, 654 p. (In Russian).

- Kochurova N.V. (2012). The poetics of the plot of the last novel by I.S. Turgenev («Virgin Soil»). *Ural Philological Bulletin. Series: Russian Classics: Dynamics of Art Systems*, no. 6, pp. 57-66. (In Russian).
- Lebedev Yu.V. (2018). *Milestones in the life and work of I.S. Turgenev*. Kostroma: KGU. 212 p. (In Russian).
- Lotman L.M. (1982). I.S. Turgenev. *History of Russian Literature in 4 vols.* Vol. 3. Leningrad, Nauka, pp. 120-159. (In Russian).
- Markovich V.M. (1975). *The man in the novels of I.S. Turgenev*. Leningrad, LGU. 152 p. (In Russian).
- Mikhailovsky N.K. (1877). «Virgin Soil». *Domestic notes*, no 2. Available at: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0270.shtml (accessed 27.07.2020). (In Russian).
- Nekrasov N.A. (1854). Unhappy. *Complete collection of poems*. Vol. 1. Moscow, Available at: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0010.shtml (accessed 27.07.2020). (In Russian).
- Nikolsky S.A. (2016). «New people» in their focus on the peasantry as the idea of Russian classical literature. *Bulletin of Slavic cultures*, no 2(40), pp. 52-66. (In Russian).
- Ovsianiko-Kulikovskii D.N. (1895). «Virgin Soil» and the type of «necessary for Russia» person. *Northern Bulletin*, no 2. Available at: http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikovskij_d_n/text_1895_02_turgenev_i_tolstoy_oldorfo.shtml (accessed 27.07.2020). (In Russian).
- Tolstoy L.N. (1928–1958). *Complete works: in 90 vols.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Turgenev I.S. (1982). *Complete works and letters: in 30 vols.* Vol. 9. Moscow, Nauka, 576 p. (In Russian).
- Zateeva T.V., Lenkhoboeva T.R. (2014). Features of the reception of the novel by I.S. Turgenev «Virgin Soil» in Russian literary criticism of the second half of the XX century. *Bulletin of the Buryat State University*, no. 10-2, pp. 80-86. (In Russian).

Valeria G. Andreeva (Moscow, Kostroma, Russian Federation)

Folk Theme as an Epic Basis of Ivan Turgenev's Novel «Virgin soil»

The author of the article refers to the epic essence of Turgenev's novel «Virgin soil» and proves that the genre definition of «public novel» in its standard sense does not convey the entire depth of the work. The problem of the «character» of the novel and the accuracy of Turgenev's characteristics of the populist movement is considered in terms of the organization of the present by Turgenev as an epic time and an illustration of the possibility of combining the general (national) and the personal. The work shows that each of the characters of the novel is measured by an epic, folk measure – the ability to work and proximity to the land.

Key words: *Turgenev, social novel, epic basis, people, populists, national values, character, owner, work, Russian land.*

Valeria G. Andreeva – grand Ph.D. in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, professor of Domestic philology dpt. of the Kostroma State University. E-mail: lanfra87@mail.ru